

Ермилов В.

Чехов А. П. – М.: Советский писатель, 1954. – С. 318-319

«Человек в футляре»

Рассказ «Человек в футляре» (1898) замечателен всей своей поэтической атмосферой, предчувствием свободы. Весь цикл рассказов — «Человек в футляре», «Крыжовник», «О, любви» — проникнут новой силой стремления к свободе, — к свободе всей жизни, всех отношений между людьми, ненавистью к духоте всех «футляров», всего, что сковывает жизнь.

Мрачна, зловеща фигура «человека в футляре», и достаточно еще были опасны темные силы, порождавшие и поддерживавшие Беликовых. И все же Беликов не только страшен: он еще и смешон в своем нелепом, бессильном стремлении остановить жизнь, уложить ее в «футляр», он жалок в своем страхе перед действительностью, перед всем новым, не похожим на вчерашнее. Весь рассказ проникнут дыханием свежего ветра жизни, уже не попутного для Беликовых. Все окружение «человека в футляре», вся жизнь противоречит ему, враждует с ним.

Уже самое сопоставление тщедушного, хилого Беликова с Варенькой Коваленко, от которой так и брызжет непосредственностью и свежестью самой жизни, подчеркивало, что Беликовы, как говорится, «не жильцы» на этом свете.

Беликов — мертвец, он как бы живет в гробу, и смерть его воспринимается всеми с облегчением, как нечто единственно возможное, единственно естественное для «человека в футляре».

Еще сильна была действительность, опиравшаяся на «человеков в футляре». И все же она была уже хилой, слабой по сравнению с подлинной, свободной будущей жизнью. Недаром так силен страх Беликова перед жизнью.

Много было споров на тему: пессимист или оптимист Чехов? На той почве, на которой велся этот спор, он не мог не быть бессодержательным, схоластичным. Чехов просто не укладывался в рамки такого спора. В пессимизме его упрекали критики, которым хотелось, чтобы писатель «убаюкивал» их в их «золотых снах» — были ли это сны о мирном постепенном развитии буржуазного прогресса, или о чудодейственных кустарных артелях и сыроварнях, или о «жизни для жизни» и т. д. Это, в сущности, были люди, стремившиеся к тому самому «счастью», которое с отвращением гнали от себя чеховские герои: к «счастью», не требовавшему коренного изменения в ее жизни, построенной на рабстве. Счастье, которого хотел Чехов, не укладывалось в эту жизнь, выходило далеко из ее берегов, сносило, ломало жалкие «трехаршинные» перегородки, маленькие загончики, сарайчики дешевого собственнического счастья. Чеховский оптимизм был трудным, требовательным, суровым.

Вера в прекрасное будущее родной земли проникает все детали его произведений, окрашивая и самый пейзаж.

«Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!» («Три сестры»). В этих словах раскрывается тайная музыка многих чеховских пейзажей.

Сама русская природа томится о счастье, о жизни, достойной ее красоты и мощи!

«Иной раз, — говорит Чехов словами Лопухина в «Вишневом саде», — когда не спится, я думаю: господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны по-настоящему быть великанами...» Даже и традиционная красота лунных ночей связывалась у Чехова с мечтой о торжестве правды: «...и все на земле только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью» («В овраге»).